

Лицо Е Ваншу побагровело от града выговоров Кан Линъи. Она опустила голову, словно провинившаяся ученица, и пробормотала: «Сестра, я знаю, что ошиблась. Я сейчас же свяжусь с финансовым отделом». Сказав это, она поспешно достала телефон и отошла в сторону, чтобы позвонить.

Кан Линъи смотрела на удаляющуюся спину сестры, беспомощно качая головой. Она снова села на диван и продолжила просматривать бухгалтерские книги. Е Нансянь подошел, похлопал Кан Линъи по плечу и утешил: «Не расстраивайся до болезни. Шуэр просто ребячлива и неопытна, ее можно постепенно научить».

Кан Линъи вздохнула: «Я тоже знаю, что она проста в душе, но Дворец Духа — это не мелочь, здесь нельзя допускать ни малейшей небрежности. К счастью, я проверила бухгалтерские книги, иначе еще неизвестно, какой беспорядок она устроила бы».

В этот момент Е Ваншу закончила звонок и осторожно подошла, снова усевшись на диван. Она угодливо посмотрела на Кан Линъи: «Сестра, я уже сказала финансовому отделу, что завтра повысим зарплату Жун Цзюэ. Ты больше не будешь сердиться, хорошо?»

Кан Линъи подняла на нее глаза: «В этот раз обойдемся так, но впредь так своевольно не поступай. Каждый доход и расход Дворца Духа связан с нашим образом жизни и является важной опорой нашего плана мести, нельзя допускать сбоя».

Е Ваншу послушно кивнула: «Сестра, я запомнила. Ах да, вы так спешно вернулись, что-то случилось?»

Е Нансянь и Кан Линъи переглянулись. Кан Линъи кратко изложила Е Ваншу план завтрашнего похода к семье Линь для выяснения обстоятельств. Е Ваншу, услышав это, мгновенно загорелась, и взволнованно сказала: «Я тоже хочу пойти! Я хочу своими глазами увидеть, как эти люди раскроют свои истинные лица и отомстят за меня и сестру!»

Кан Линъи нахмурилась и уже собиралась отказаться, как Е Ваншу жалобно посмотрела на нее, сложила руки и взмолилась: «Сестра, пожалуйста, позволь мне пойти. Я обещаю не мешать, я просто хочу посмотреть со стороны, как выглядят их лица, когда они разоблачены».

Е Нансянь тоже вступился за нее: «Пусть Шуэр пойдет с нами. Втроем нам будет легче присматривать друг за другом. К тому же, Шуэр должна учиться справляться с такими делами, нельзя вечно держать ее позади нас».

Кан Линъи задумалась на мгновение и в конце концов кивнула: «Хорошо, но ты должна слушаться и не действовать самовольно. Если что-то пойдет не так, тебе больше никогда не позволят участвовать в таких делах».

Е Ваншу торопливо закивала: «Хорошо, я обязательно буду слушаться!»

Кан Линъи оставалась невозмутимой, слегка приподняв брови. В ее глазах мелькнула непримиримая холодность. Она неторопливо заговорила, голос ее был тихим, но в нем звучало врожденное величие: «Я уже распорядилась, чтобы Ло Юнь уведомила семью Линь. Хм, не говорите, что я не дала им времени подготовиться. Завтра я хочу услышать, какие оправдания сможет найти семья Линь. Место — старая резиденция семьи Гу. Что касается Линь Ваньжу, я уже послала людей вернуть ее. Думаю, у семьи Линь будет достаточно времени, чтобы хорошенько обдумать, как противостоять мне». Она сделала небольшую паузу, посмотрела на Е Ваншу и продолжила: «Раз уж Шуэр хочет присоединиться к этому веселью, пусть идет. Однако, госпожа Линь еще не оправилась от ран, вряд ли она сможет что-то предпринять. По моему обычаю, как императрицы, я, естественно, займу главное место. Без моего приказа даже господин Гу должен будет послушно стоять». В этих словах проявилось ее превосходство над всеми.

Е Наньсянь, услышав это, улыбнулся и тихо покачал головой, посмотрев на Е Ваншу, и поддразнил: «Шуэр, ты посмотри на свою сестру, как она держит себя, только не учись у нее». В его словах, хоть и шутливых, чувствовалось и беспомощность, и покровительство по отношению к Кан Линъи.

Е Ваншу, услышав это, тут же подняла подбородок, в глазах ее было восхищение и защита сестры. Не задумываясь, она сказала: «У моей сестры есть на это право! В моем сердце сестра — самая сильная, и ее поведение совершенно естественно». Ее голос был чистым и ясным, а та гордость, казалось, делала славу Кан Линъи своей собственной.

Кан Линъи слегка приподняла уголки губ, показав слабую улыбку. Глядя на эту сцену, она почувствовала прилив тепла. Она махнула рукой, немного устало сказала: «Все, все, не будем больше говорить, я устала, пойду спать. После такого дня пора хорошо отдохнуть». Сказав это, она повернулась и пошла в спальню. Хотя ее шаги были ровными, было видно, что она устала.

Е Ваншу, увидев, что сестра собирается отдыхать, тоже поспешно встала, потянувшись и сказала: «Я тоже пойду спать. Завтра, возможно, предстоит серьезная битва, нужно достаточно отдохнуть». Сказав это, она, словно радостная птичка, прыгая, вернулась в свою комнату. Е Наньсянь остался сидеть на диване один, глядя на удаляющиеся фигуры сестер, на его лице появилась удовлетворенная улыбка.

На следующее утро, солнечный свет мягко проникал сквозь панорамные окна, освещая роскошную гардеробную на верхнем этаже Кан Линъи. Она стояла перед огромным зеркалом, изящно выбирая наряд на сегодня.

В конце концов, она выбрала комплект одежды, подчеркивающий ее уникальную ауру. Верх — короткий черный пиджак, с безупречным кроем и гладкими линиями, идеально сидевший по фигуре, демонстрирующий ее деловитость и решительность. Пуговицы пиджака были выполнены с особым изыском, инкрустированы мелкими бриллиантами, каждый из которых был тщательно огранен и, преломляя свет, сверкал ослепительным и пленительным блеском, подобно россыпи звезд, демонстрируя несравненное благородство в сдержанной роскоши.

Бело-золотая короткая блуза с драконьим узором, надетая под пиджак, стала изюминкой всего

образа. Переплетающиеся белый и золотой цвета излучали таинственную и благородную атмосферу. Тонкая вышивка драконьим узором была выполнена с искусной точностью, дракон извивался и вился, чешуя выглядела живой, словно готовая в любой момент взлететь. Дизайн дракона искусно вписывался в современные модные элементы, сохраняя как традиционное величие, так и современную тенденцию, идеально отражая мощную ауру императрицы Кан Линъи.

Ниже, узкие классические брюки плотно облегали ее длинные прямые ноги, идеально очерчивая линию ног, демонстрируя ее элегантность и уверенность. Брюки были сшиты из высококачественной ткани, гладкой на ощупь, не только удобные в носке, но и подчеркивающие качество в каждой детали.

Серебряные туфли на высоком каблуке завершали образ. Дизайн каблука был уникален, обеспечивая как устойчивость при ходьбе, так и добавляя роста и элегантности. Серебряный верх туфель сверкал металлическим блеском, перекликаясь с драконьим узором блузы и бриллиантовыми пуговицами пиджака, создавая гармоничное и единое впечатление.

Такой тщательно подобранный наряд, каждая деталь которого была продумана, идеально соответствовал статусу императрицы Кан Линъи, демонстрируя ее благородство и величие во всем, словно вся мода и мир власти были у нее под ногами.

Она слегка повернулась, провела рукой по волосам у уха, глядя на себя в зеркало с проникательной удовлетворенностью. Затем, с уверенной и размеренной походкой, она покинула гардеробную. Звук ее каблуков, стучавших по мраморному полу, разносился по пустым коридорам.

В гостиной уже давно ждали Е Наньсянь и Е Ваншу. Е Наньсянь был одет в темно-серый костюм на заказ, отлично сшитый, подчеркивающий его статную фигуру. Темно-синий зажим для галстука на воротнике был сдержанным, но изысканным, демонстрируя его обычное спокойствие и сдержанность. Е Ваншу была в коротком светло-фиолетовом платье, украшенном бантом того же цвета, и в белых кожаных туфлях, что добавляло ей миловидности и игривости.

Увидев появившуюся Кан Линъи, глаза Е Ваншу загорелись, и она подпрыгнула к ней: «Сестра, ты сегодня такая крутая! Как королева, сошедшая с обложки модного журнала».

Кан Линъи приподняла уголок губ, слабо улыбнулась, подняла руку и легонько коснулась кончика носа Е Ваншу: «Только ты умеешь так говорить».

Е Наньсянь тоже подошел, в его глазах было восхищение и забота: «Этот наряд тебе очень подходит, но сегодняшняя конфронтация с семьей Линь, думаю, не будет легкой. Будь осторожна во всем».

Кан Линъи слегка кивнула, ее выражение лица стало серьезным: «Не волнуйся, я знаю, что делаю. Действия семьи Линь в последние годы должны быть наконец завершены».

Трое вместе вышли из дома. У входа уже стоял черный Bentley Mulsanne, его линии были плавными, а на солнце он сверкал холодным блеском. Водитель почтительно открыл им двери, и они по очереди сели в машину. Внутри машины атмосфера была несколько напряженной, каждый мысленно прорабатывал предстоящую стратегию.

Вскоре черный Bentley Mulsanne медленно подъехал по извилистой асфальтированной дороге и плавно остановился перед воротами старой резиденции семьи Гу. Европейская архитектура напоминала роскошный замок, величественный и грандиозный, сверкающий роскошью и торжественностью под солнечными лучами. Кованые ворота были открыты, их изящные узоры, казалось, рассказывали историю и славу семьи.

В этот момент у ворот стояли все представители семей Гу и Линь, их лица были полны уважения, без малейших возражений. Мужчины были одеты в хорошо скроенные костюмы, а женщины — в роскошные и элегантные вечерние платья. Каждый был как тщательно выточенное произведение искусства, стоял там, образуя, казалось бы, гармоничную картину.

Кан Линъи сидела в машине, через окно ее взгляд точно упал на Линь Ваньжу среди толпы. Линь Ваньжу выглядела мрачной, уголок ее губ был опущен, в глазах смешивались неохота и нетерпение, словно огонь горел в ее сердце, но ей приходилось его сдерживать. Увидев это, Кан Линъи мысленно усмехнулась, это ощущение точного попадания в цель делало ее настроение особенно приятным. Она знала, что Линь Ваньжу, несомненно, полна ненависти к ней, но в такой ситуации она могла лишь подавить эту обиду в глубине души, не имея возможности ее выразить.

«Похоже, некоторые уже нетерпеливы», — уголки губ Кан Линъи слегка приподнялись, демонстрируя едва заметную самодовольную улыбку. Она повернулась к Е Наньсяню и Е Ваншу и сказала: «Им лучше иметь хорошее объяснение, иначе сегодня их не отпустят просто так». Е Ваншу сжала кулачки, в глазах ее были решимость и гнев.

«Не торопись, все идет по плану», — спокойно утешил Е Наньсянь, в его глазах мерцали мудрость и хладнокровие.

Трое поправили одежду, открыли двери машины и медленно вышли. В тот же миг все взгляды устремились на них, атмосфера внезапно стала напряженной.

Пронизывающий осенний ветер, несущий с собой легкий холодок, словно живые, но ледяные нити, тихо струился между людьми. Линь Ваньжу, оказавшись в этом окружении, чувствовала внутреннее смятение и борьбу, ей совершенно не хотелось встречаться лицом к лицу с почти осязаемой мощной аурой Кан Линъи и Е Наньсяня. Эта аура была подобна холодной луне, висящей в глубокой осенней ночи, излучающей холодное и давящее дыхание, заставляя ее отступать с каждым шагом, словно истощая все силы.

Однако, любопытные и оценивающие взгляды вокруг, словно невидимые оковы, крепко сковывали ее, не давая возможности уклониться. Беспомощная, она заставила себя собраться, стараясь выжать на лице натянутую улыбку, которая выглядела хуже, чем плач. Она слегка

поклонилась, в ее позе чувствовалась неохота, опираясь на трость, она с трудом обратилась к Кан Линъи: «Госпожа Е, день становится все холоднее, прошу вас, проходите». Ее голос слегка дрожал, словно осенние листья, опадающие на ветру, в ее словах было трудно скрыть нежелание, каждое слово, казалось, выдавливалось из охваченного холодом горла тихим дрожанием.

Е Нансянь, услышав это, лишь слегка приподнял бровь, в его глазах мгновенно мелькнуло неприкрытое пренебрежение. Он даже не взглянул на Линь Ваньжу, продолжая смотреть вперед, и холодным, резким голосом произнес: «Прошу госпожу Линь провести нас». Его тон был ледяным, как осенний иней, словно Линь Ваньжу была лишь ничтожным слугой, которого можно использовать, абсолютно недостойным его уважения.

Лицо Линь Ваньжу мгновенно стало мертвенно-бледным, губы непроизвольно задрожали, словно испуганный цветок, дрожащий на ветру. В ее глазах вспыхнул ядовитый огонь ненависти, пламя, которое, казалось, могло сжечь все вокруг. Она инстинктивно крепко сжала трость, костяшки пальцев побелели от чрезмерного усилия, вены на тыльной стороне руки вздулись, как черви, словно желая выплеснуть всю свою обиду через этот хват. Но в напряженной и гнетущей атмосфере она подавила вспышку гнева, глубоко вдохнула, грудь ее тяжело вздымалась, и она крайне неохотно двинулась с места.

В этот момент, внимательно следивший за ситуацией Старик Линь поспешно вмешался. Его лицо было полно кажущейся доброжелательности, но оно выглядело натянутым, словно маска, натянутая на лицо. Он слегка наклонился, его поза выражала угодливость, пытаясь разрядить напряженную атмосферу, и сказал с улыбкой: «Госпожа Е, вы ведь знаете, у Ваньжу не зажила рана на ноге, ей трудно передвигаться. Не хотите ли вы, чтобы я провел вас, а Ваньжу отдохнула?» Его голос слегка дрожал, полон осторожности и скрытого бессилия, он казался не в силах справиться с таким давлением.

Е Нансянь оставался холодным, бросил легкий взгляд на Старика Линь, в его глазах не было никаких эмоций. Он медленно заговорил, его голос был негромким, но в нем звучала неоспоримая твердость: «Тогда прошу госпожу Линь помочь госпоже Лин, она сегодня в туфлях на высоком каблуке, ей трудно передвигаться. Господин Линь, вы проведете нас впереди». Его тон был твердым и уверенным, не терпящим возражений, не оставляя семье Линь возможности для обсуждения.

Кан Линъи, глядя на прихрамывающую, явно недовольную Линь Ваньжу, слегка нахмурилась, в ее глазах явно читалось пренебрежение. Она пристально оглядела Линь Ваньжу, а затем легко положила руку ей на запястье, недовольно сказав: «Хотя я и являюсь императрицей, я всегда уделяла внимание своему внешнему виду. Госпожа Линь, ваш сегодняшний наряд, можно сказать, очень беден. Даже слуги в моем Императорском дворце Фаньсин одеты изысканнее вас. Кроме того, я вижу, что ваша сегодняшняя одежда ничем не отличается от одежды слуг семьи Е, что меня действительно озадачивает». Голос Кан Линъи не был громким, но каждое слово было четким, как удар тяжелого молота по сердцу Линь Ваньжу, выражая высокомерие и снисходительность правителя.

Сердце Линь Ваньжу наполнилось яростью, которая почти поглотила ее разум. Ее тело слегка дрожало от гнева, зубы крепко стиснуты, губы до крови. Но она сдерживала унижение, стиснув

зубы, выдавила из себя: «Возможно, семья Е заботится о своих слугах, одевая их слишком хорошо». Сказав это, она быстро опустила голову, пытаясь прикрыть волосы, скрывая выражение ярости в глазах, чтобы Кан Линъи не увидела ее искаженное лицо.

Кан Линъи издала легкий фырканье, звук, казалось, исходил из глубины ее ноздрей, полный пренебрежения и насмешки. Она усмехнулась, глядя на Линь Ваньжу: «Забота о слугах? Хе, это делает семью Е похожей на благотворительный фонд». Она говорила неторопливо, намеренно замедляя шаг, идя вместе с Линь Ваньжу, словно королева, оценивающая провинившуюся служанку, каждый шаг, казалось, был направлен на мучение Линь Ваньжу.

Линь Ваньжу крепко сжимала губы, которые почти потеряли цвет, ее лицо то алело, то бледнело, словно замерзший осенний лист, тронутый инеем. Ее ненависть к Кан Линъи горела в сердце, как яростное пламя, но она была как пойманный зверь, полный ярости, но бессильный. Она могла лишь тайно приложить усилия, пальцы сжимались, как клещи, крепко держа Кан Линъи, ногти глубоко впивались в ладонь, оставляя следы в форме полумесяца, пытаясь сохранить внешнее спокойствие, не давая внутреннему негодованию проявиться ни на йоту.

Старик Линь, идущий впереди, слегка сгибался в спине, словно старое дерево, съежившееся на осеннем ветру. Время от времени он делал вид, что случайно оглядывается, в его глазах была тревога и беспокойство. Он прекрасно знал, что сегодняшняя ситуация подобна ходьбе по канату, малейшая ошибка — и семья Линь упадет в пропасть небытия. Он подсознательно ускорил шаг, звук его подошв, трущихся о землю, был едва слышен, пытаясь как можно скорее ввести всех в дом и завершить эту удушающую неловкость и напряжение.

Наконец, группа людей прибыла в гостиную старой резиденции семьи Гу. Гостиная была оформлена с чрезвычайной роскошью, европейская хрустальная люстра излучала мягкий и сверкающий свет, словно россыпь звезд, упавших на землю. Этот свет, падая на людей, не мог рассеять напряженную атмосферу, наполнявшую воздух, а, наоборот, словно покрывал эту угнетающую сцену ледяным инеем.

Кан Линъи держалась естественно, с элегантной и уверенной походкой, осмотревшись, она направилась прямо к главному месту и, с молчаливого, но редко достигаемого согласия всех, бесцеремонно села. Она слегка приподняла голову, ее взгляд был острым, как у орла, она обвела взглядом членов семьи Линь, присутствующих там, ее взгляд был подобен взгляду королевы, оценивающей своих подданных, с врожденным величием и превосходством. «Зачем вы все стоите? Вы пришли в вашу семью Гу не для того, чтобы стоять». Ее голос был негромким, но, казалось, обладал невидимой силой, четко разносился по тихой гостиной, каждое слово било, как молот, по сердцу присутствующих, с неоспоримым величием.

Члены семьи Линь переглядывались, в их глазах смешивались напряжение, недоумение и беспомощность. Наконец, под едва заметным дрожащим взглядом Старика Линь, они все сели. Кто-то делал это быстрее, кто-то медленнее. Звук трения стульев о пол становился особенно резким в этой тишине. Линь Ваньжу тоже подсознательно захотела сесть, но была остановлена холодным голосом Кан Линъи, который был как лезвие, пронзающее лед: «Госпожа Линь, не торопитесь садиться. Вы шли со мной пешком всю эту дорогу, я полагаю, вы устали. Не принесете ли вы мне чашку чая?»

Линь Ваньжу широко раскрыла глаза, в них было неверие, словно она услышала самое абсурдное требование на свете. Ее грудь тяжело вздымалась, гнев в ее сердце снова вспыхнул, почти вырвавшись из клетки разума. Но под взглядами всех, особенно под пристальным, предупреждающим и умоляющим взглядом Старика Линь, она вынуждена была подавить гнев, словно проглотив колючий фрукт, горечь и унижение разлились в ее сердце. Стиснув зубы, она выдавила из себя несколько слов: «Да, Ваше Величество Императрица».

Она повернулась к столику рядом, ее шаги были немного шаткими. Чайник на столе казался ей теперь неподъемным. Она протянула руку, взялась за ручку чайника, но рука непроизвольно задрожала, дрожь передалась по руке и распространилась по всему телу. Она глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, но дыхание все еще было прерывистым. Она медленно подняла чайник, налила чашку чая для Кан Линъи. Несколько капель кипящей воды брызнуло ей на тыльную сторону ладони, но она, казалось, ничего не чувствовала.

Она, держа чашку с чаем, подошла к Кан Линъи шаг за шагом, ее голос слегка дрожал: «Ваше Величество Императрица, пожалуйста, выпейте чаю».

Кан Линъи не сразу взяла чашку, а с пронизательным взглядом уставилась в глаза Линь Ваньжу, ее взгляд, казалось, проникал в самую душу. Она медленно заговорила, каждое слово, казалось, было тщательно отточено, но при этом обладало ранящей остротой: «Госпожа Линь, ваша манера наливать чай совершенно не похожа на поведение знатной леди. Неужели в семье Линь даже не преподали элементарных правил этикета, или же, поддерживая меня, госпожа Линь почувствовала неудовлетворенность?»

Глаза Линь Ваньжу мгновенно покраснели, унижительные слезы навернулись на ее веках, словно вот-вот прорвется плотина. Она крепко стиснула зубы, щеки надулись, прилагая все усилия, чтобы не дать слезам упасть, убеждая себя, что ни в коем случае не должна проявлять слабость перед Кан Линъи. Она собрала все свои силы, выдавив улыбку, которая выглядела хуже, чем плач: «Не смею, прошу Ваше Величество Императрицу руководить мной».

Только тогда Кан Линъи с удовлетворением приняла чашку, ее движения были изящными и медленными. Она слегка отпила, чай остался на языке, а затем медленно проглотила: «Чай, конечно, хороший, кажется, он потребовал усилий. Но вот сердце человеческое...» Не договорив, она многозначительно посмотрела на Старика Линь, в ее глазах читались допрос и подозрение.

Линь Ваньжу крепко сжимала трость, вены на тыльной стороне руки вздулись от напряжения, словно цепляясь за последнюю крупицу упрямства в этом хаотичном положении. На ее лице была натянутая улыбка, но улыбка не достигала глаз, в ее взгляде скрывалась нескрываемая обида и недовольство. Она слегка поклонилась, стараясь, чтобы ее голос звучал уважительно и тепло: «Ваше Величество Императрица, Господин Е, ваш визит — большая честь для нашей семьи Линь, естественно, мы должны преподнести лучшие сорта чая. Давно известно, что Господин Е особенно любит Да Хун Пао, а Ваше Величество Императрица предпочитает легкую и освежающую сладость Лунцзина. Сегодня наша семья Линь специально приготовила эти два сорта изысканного чая, надеемся, что они придутся вам по вкусу». Ее голос слегка дрожал, под тщательно поддерживаемой видимостью энтузиазма скрывалось внутреннее напряжение и беспокойство.

Кан Линьби тихо вращала чашку в руке, ее взгляд, казалось, рассеянно осматривал чай, но на самом деле она чутко ощущала температуру, которая отличалась от ожидаемой. На ее губах появилась едва уловимая легкая улыбка. Эта улыбка казалась изящной и невозмутимой для посторонних, но для Линь Ваньжу была как острый шип. Кан Линьби медленно подняла взгляд, ее глаза сверкнули, как холодные звезды, прямо устремившись на Линь Ваньжу, и она медленно произнесла: «Я обычно пью чай при температуре семьдесят процентов, только такая температура позволяет ощутить чистейший вкус, содержащийся в чайных листьях, а Господин Е предпочитает восемьдесят процентов, эта доля горячей может подчеркнуть насыщенность чая. К сожалению, чай в моей руке уже немного остыл и потерял свой вкус. Я действительно не знаю, что Старик Линь не имеет привычки всегда держать чай подходящей температуры, так что приходится без предупреждения, пожалуй, выглядит так, будто я невежлива». Ее тон был скромным и вежливым, но каждое слово было как острый предмет, невидимое давление хлынуло на Линь Ваньжу, как прилив.

Е Нансянь, стоявший рядом, скрестив руки на груди, стройный, с суровым выражением лица, словно вековой лед. Он слегка прищурился, в его глазах мелькнула усмешка, и он холодно произнес, его голос был низким и ледяным, словно несущим мороз январского ветра: «Возможно, чай семьи Линь слишком ценный, обычно он хранится глубоко и бережно, не желая показывать его всем, а сегодня, увидев настоящих дорогих гостей, они растерялись и не знают, что делать». Эти слова были подобны острому кинжалу, вонзившемуся прямо в сердце Линь Ваньжу.

Лицо Линь Ваньжу мгновенно стало чрезвычайно уродливым, сначала оно покраснело, словно ее выставили на всеобщее обозрение, а затем быстро стало бледным, как бумага. Ее сердце одновременно горело гневом и возмущением, огонь в ее груди бушевал, почти поглощая ее разум. Но в присутствии стольких людей, особенно под пристальным, предупреждающим и умоляющим взглядом Старика Линь, она была вынуждена подавить этот гнев, крепко стиснув зубы, щеки ее набухли. Она глубоко вздохнула, снова выдавив улыбку, которая выглядела хуже, чем плач, и поспешно перевела взгляд на Е Ваншу, пытаясь разрядить свою неловкую ситуацию, вызванную чувством, словно она сидит на иголках: «Вторая госпожа Е, вы пришли сюда, чтобы найти Сю Хань? А если нет, я сейчас же позову его, чтобы он мог поболтать с вами и вспомнить старые времена».

У Е Ваншу брови возмущенно изогнулись, эти две изящные брови были похожи на гневные листья ивы, высоко поднятые, в ее глазах было неприкрытое возмущение и пренебрежение. Она громко и небрежно ответила: «Я его не ищу. Я сегодня здесь, чтобы искать вас, семьи Гу и Линь. Госпожа Линь, вы, вероятно, знаете, зачем пришли моя старшая сестра и брат, нет никакой необходимости так торопиться». Ее голос был чистым и громким, словно колокол, разносившийся по просторному залу, с бесстрашным напором, обиды, накопившиеся в глубине ее сердца за многие годы, казалось, были готовы вырваться наружу именно сейчас.

Линь Ваньжу, чье лицо напоминало перевернутую палитру, то краснея, то бледнея, чувствовала, как в ней растёт ненависть, но вынуждена была изо всех сил сдерживаться. Она крепко стиснула нижнюю губу, словно желая проглотить всю свою злость, и с трудом выдавила улыбку, менее привлекательную, чем плач, глядя на Е Ваншу. Она постаралась придать голосу спокойный тон и сказала: «Вторая госпожа Е, вам совершенно не обязательно так нападать на мою семью Линь. Мы все в этом торговом мире, наши интересы связаны, мы встречаемся и будем встречаться, зачем же доводить отношения до такого непримиримого противостояния?»

Оставляйте всегда лазейку, потом легче будет увидаться». Говоря это, она слегка дрожащей рукой подняла её, словно желая успокоить Е Ваншу, но остановилась на полпути. Её рука, застывшая в воздухе, была точным отражением её нынешнего тревожного состояния.

Е Ваншу, услышав это, позволила вспыхнуть неприкрытому отвращению в глазах. Уголки её губ высоко поднялись, образуя предельно язвительную усмешку. Она склонила голову, презрительно оглядывая Линь Ваньжу с ног до головы, словно осматривая отвратительный предмет. Затем она намеренно растянула слова, язвительно отвечая: «Ох, я лишь мимоходом спросила, а вы тут же решили выяснить, откуда же взялось это так называемое «нападение». Что, неужели госпожа Линь такая хрупкая, что не может вынести таких утешительных слов? Если так подумать, это я действительно была невнимательна. Я и не предполагала, что госпожа Линь такая «нежная»». Она особенно сильно произнесла слово «я» (я), каждое слово было словно с шипами, безжалостно впивающимися в Линь Ваньжу. Интонация была полна игривости и насмешки, словно все унижения и обиды, причинённые ей семьёй Линь за долгие годы, превратились в эти язвительные слова и излились наружу.

Кан Линъи, чьё выражение лица было изначально спокойным, при этих словах мгновенно похолодело. Её взгляд, словно лезвие в холодную ночь, холодно упал на Старика Линя. Она слегка прищурила глаза, её взгляд стал острым, как стрела, словно желая пронзить его показное спокойствие и увидеть каждую ниточку его мыслей. Она выпрямила спину, её лицо выражало величественную серьёзность, подобно королеве, правящей миром, с врождённым авторитетом высшего положения. Она медленно заговорила, её слова несли неоспоримый вопрос, голос был негромким, но, как гулкий колокол, ясно разносился по тихому залу. Каждое слово, казалось, несло тысяchefунтовый вес, тяжело падая на сердца членов семьи Линь: «Любой в этом торговом мире, кто хоть немного знает семью Линь, без исключения хвалит Старика Линя за хорошее воспитание дочерей, за то, что он вырастил дочерей семьи Линь знающими, разумными, нежными и любезными. Но увидев это своими глазами, я, императрица, на самом деле испытываю некоторые сомнения. Посмотришь на такое поведение госпожи Линь, на её дерзкие слова и невежливые манеры – разве это и есть то самое «хорошее воспитание», о котором так много говорят? Я и мой брат сейчас здесь, стоим перед ней открыто, а она уже осмеливается так бесстыдно и безапелляционно обращаться с моей сестрой. Если бы нас здесь не было, учитывая её высокомерный характер, боюсь, она бы вела себя ещё более вольготно и высокомерно, произвольно высмеивая мою сестру, и даже совершала бы более серьёзные поступки? Старик Линь, объясните мне, что здесь происходит?» Взгляд Кан Линъи был прикован к Старика Линю, этот взгляд, казалось, хотел прожечь его насквозь, ожидая его ответа. Воздух был пропитан удушающим напряжением.

Старик Линь, будучи принуждён взглядом Кан Линъи, покрылся мелкими капельками пота на лбу. Он с натянутой улыбкой сказал: «Ваше Величество Императрица, Ваньжу молода и неосмотрительна, сказала лишнее по неосторожности. Надеюсь, вы и вторая госпожа Е простите её. Семья Линь всегда уважала семью Е и никогда не имела намерения оскорбить вас».

Кан Линъи холодно фыркнула: «Молода и неосмотрительна? Ей не три года. Старик Линь, если сегодня не будет дано удовлетворительного объяснения, мы не оставим это дело».

Линь Ваньжу, видя, что её отец уступает, хотя и была недовольна, больше не смела буйствовать. Она опустила голову и крепко прикусила губу.

Е Нансянь, скрестив руки на груди, холодно произнёс: «Старик Линь, на рынке, как на поле боя, и наша семья Е не та, которую можно безнаказанно обижать. У нас есть доказательства мелких махинаций семьи Линь за эти годы. Если вы хотите замять это дело, покажите свои

реальные действия».

Линь Чжэнсюн беспокойно сидел рядом, бормоча: «Генеральный директор Е, вы... вы говорите о доказательствах, мы... мы не знаем, как это получилось, может, есть какое-то недоразумение?»

Взгляд Е Наньсяня был острым, как нож: «Недоразумение? Линь Чжэнсюн, до сих пор ты питаешь ложные надежды. Эти доказательства достаточны, чтобы семья Линь опозорилась на рынке».

Старик Линь, глубоко осознавая серьёзность ситуации, после некоторого размышления сказал: «Ваше Величество Императрица, Генеральный директор Е, как семья Линь может компенсировать вам это? Пока это в пределах наших возможностей, мы обязательно выполним».

Кан Линъи и Е Наньсянь переглянулись. Кан Линъи заговорила: «Во-первых, семья Линь публично извинится перед семьёй Е и опровергнет все ложные заявления; во-вторых, семья Линь откажется от всех проектов, конкурирующих с Е Group; в-третьих, семья Линь возьмёт на себя все экономические потери семьи Е за эти годы».

Лицо Старика Линя выражало затруднение. Эти условия, несомненно, были бы тяжелым ударом для семьи Линь. Но он прекрасно понимал, что если не согласится, семья Линь столкнётся с ещё большим кризисом. Он лишь мог стиснуть зубы и сказать: «Хорошо, я согласен. Но сумма компенсации слишком велика, семье Линь понадобится некоторое время, чтобы её собрать».

Ниже приведён расширенный и отполированный текст:

Кан Линъи сидела на искусно вырезанном резном кресле из сандалового дерева, её выражение лица было холодным и величественным, словно несокрушимая гора льда. Она слегка кивнула, это движение было медленным и торжественным, словно несущим тысячекилограммовую силу, не позволяющую пренебрегать ею. Её взгляд, словно материальный, упал на Линь Ваньжу, и она ледяным тоном сказала: «В течение трёх дней, пожалуйста, соберите необходимую сумму компенсации. В этот период не должно быть ни малейшей небрежности или задержки. К тому времени госпоже Линь придётся лично доставить её в секту Лазурных Облаков. И ещё, подпишите это». Сказав это, слуга позади неё немедленно услужливо протянул документ и быстро положил его на стол перед Линь Ваньжу. Раздался хлопок, этот звук раздался в тихом зале, словно раскат грома, заставив всех вздрогнуть.

Лицо Е Ваншу, и без того прекрасное, сейчас окрасилось румянцем гнева. Её изящные брови взлетели вверх, в глазах бушевал яростный огонь, словно желая сжечь всё перед ней. Она лёгкими шагами подошла к Линь Ваньжу, с грозной решимостью глядя ей прямо в глаза, и её голос, острый и гневный, спросил: «Кроме того, госпожа Линь, вы часто беззаботно называете себя невестой Президента Гу, и, пользуясь этой безосновательной личностью, произвольно заставляете Дворец Духа идти на многочисленные уступки. Но я, законная и настоящая жена Гу Сюханя, почему ничего не знаю о таких абсурдных вещах? Линь Ваньжу, сегодня ты обязана дать мне разумное объяснение, иначе я ни за что тебя не прощу!» Её слова сыпались, как картечь, каждое слово несло в себе безграничное величие и гнев, и долго эхом отдавалось в пустом зале, заставляя Линь Ваньжу невольно слегка дрожать.

Кан Линъи слегка приподняла уголки губ, образуя насмешливую улыбку. Её взгляд, словно острый кинжал, вонзился прямо в Линь Ваньжу, и она не спеша сказала: «Раз уж госпожа

Линь так обижена и постоянно говорит о несправедливости, почему бы не позвать сюда Президента Гу, чтобы он мог встретиться лицом к лицу с госпожой Линь? Это позволит всем увидеть, что на самом деле произошло, и окончательно оправдает госпожу Линь, чтобы никто не говорил, будто наша семья Е без всякой причины несправедливо обвиняет хорошего человека, и госпожа Линь так пострадала».

Как раз в тот момент, когда все взгляды были сосредоточены на Линь Ваньжу, Гу Сюхань, неведомо из какого укромного уголка, спешно появился. Его выражение лица было крайне взволнованным, лоб покрывала густая сетка потных капель, крупные капли пота стекали по щекам, промолив даже его аккуратные волосы у висков. Он подбежал к Е Ваншу, его лицо выражало тревогу и невинность. Его руки беспомощно размахивались, он спешно пытался оправдаться: «Шуэр, это несправедливо! Я действительно ничего об этом не знал! Старшая сестра, вы всегда были справедливы и проницательны, вы знаете меня лучше всех, как я мог сделать такое? Помогите мне объяснить Шуэр, у меня с Линь Ваньжу действительно нет никаких нечистых отношений, пожалуйста!»

Однако Кан Линь, казалось, не слышала его слов, даже уголком глаза не удостоила его взглядом. Её взгляд по-прежнему был холодно устремлён вперёд, она лишь смотрела на этого взволнованного мужчину перед собой, её глаза были полны презрения и отвращения, словно он был всего лишь надоедливым муравьём, недостойным её малейшего внимания. В её глазах нынешняя неловкость и мольба Гу Сюханя были всего лишь нелепой комедией.

Именно в этот момент, когда атмосфера достигла крайнего напряжения, почти удушающего, из-за спины вдруг раздался тёплый и полный любви голос: «Давно не виделись, ты похудела, Линь». Все проследовали за звуком и увидели, что Сяо Сучао, неведомо когда, незаметно появился у двери. Его осанка была прямой, как сосна, лицо красивое и мягкое, в глазах таились сложные эмоции. Его взгляд нежно и сосредоточенно смотрел на Кан Линь, в этом взгляде была как радость от долгой разлуки, так и едва уловимая боль, словно в его глазах нынешняя Кан Линь была единственным существованием в этом мире, и всё вокруг уже не имело значения.

<http://bllate.org/book/19648/1932202>